

В поисках революционного мифа

С историком Дмитрием Козловым мы встретились накануне памятной даты – 100-летия Февральской революции 1917 года. Долгий период находившееся в тени «Великого Октября», это историческое событие вызвало интерес только разве что у узкой группы исследователей. Да и сейчас нельзя сказать, что на смену прежнему историческому мифу пришло четкое осознание произошедшего сто лет назад. Наш разговор с Дмитрием Викторовичем плавно кружился вокруг вопросов об уроках истории, опыте трансформации исторического мифа о революции во Франции и «закодированности русской природы раблепием».

Канва истории

– Дмитрий Викторович, для вас столетие революций 1917-го – памятная дата или неудобная годовщина?

– Для меня как для профессионального историка оценивать революции с каких-то эмоциональных позиций неинтересно. Мне интереснее говорить о 1917-м как о годе значимых событий в нашей истории, анализировать различные интерпретации произошедшего, это с одной стороны. А с другой – я интересуюсь тем, что принято называть исторической памятью. Этот подход позволяет рассматривать революцию не столько с точки зрения события, которое было, сколько анализировать, какой след оно оставило в массовой культуре, идеологии, в частных историях.

– Февральская революция находится в тени Октябрьской. Меняются ли сейчас трактовки истории 1917 года? В советское время происходила идеализация красных, в конце 1980-х и 1990-х – идеализация белых, какие взгляды у историков сейчас на эти два события?

– Наверное, не стоит искусственно разделять февраль и октябрь. Это события одного порядка. И, более того, революция не ограничилась октябрем. Если вспомним, то были выборы в Учредительное Собрание, потом последовал его разгон, затем разразилась Гражданская война. С точки зрения единой исторической канвы всё это события, связанные и с февралем, и с октябрем. Некоторые исследователи идут дальше и связывают революции 1917-го с 1903 и 1905 годами, с первой русской революцией. Широко обсуждаются концепции крестьянской революции, частью которой стали события 1917 года.

Вообще разделение событий февраля и октября, по моему глубокому убеждению, связано с идеологией. Но тогда нужно вести речь не о профессиональном историческом подходе, а о политической конъюнктуре.

– Хорошо. А октябрь был логическим продолжением февраля, или большевистская революция – результат исторической случайности?

– Большевистская революция (кстати, сами большевики до 1930-х годов те события называли переворотом, а не революцией) стала одним из ответов на февраль 1917-го: радикализация, связанная с Первой мировой войной, и массовый запрос на простые решения. Но важно помнить, что и события октября давали определенную вариатив-

ность развития. То есть установление власти советов не было гарантированным в тот исторический момент. Были же на политической арене кроме большевиков еще и эсеры, меньшевики, все они предлагали свои программы. Всё это давало шансы избежать гражданской войны.

В конце 1917 года в стране было огромное количество крестьян, которые не хотели продолжать воевать на фронтах Первой мировой. Представьте, эта вооруженная масса людей возвращается в деревню с желанием решить много лет откладывавшийся вопрос с землей, в то же время эти люди испытывают ненависть к помещикам. Такова объективная реальность, самый радикальный ответ на вызовы которой дали именно большевики. Но есть и случай, и роль личности в истории. Тот же Ленин, поддерживаемый определенной группой людей. При этом у большевиков поначалу была небольшая популярность. Не сравнить с теми же кадетами, имевшими сеть своих сторонников по всей стране. Цвет партии кадетов составляли блестящие умы, профессора, интеллектуалы. На их фоне большевики выглядели более чем скромно.

На самом деле революция вывела на политическую арену целую плеяду неординарных политиков. Здесь можно вспомнить не только Ленина, но и Мартова, Колчака, Троцкого, Врангеля и многих других. Было состязание личностей в истории. И в этом контексте сложно говорить, что победил именно Ленин, учитывая, например, весь ужас конца его жизни.

Французский подход

– Французский исследователь Франсуа Фюре утверждал, что революция не закончилась, пока не выработалось в ее отношении национальное согласие. Но, кажется, у нас о трагедии той поры твердят только историки и журналисты. Для большинства «проблемы 1917» не существует?

– Эта тема есть, может, конечно, она не так остро стоит, как некоторым бы хотелось. Социологи сейчас изучают понятие революции как травмы. Идет накопление материала, публикуются работы по этим темам. Что касается Фюре, то он историк-ревизионист, крупный специалист по Французской революции. Он выдвинул свою теорию касательно Великой французской революции, предположил, что было несколько революций, которые развивались параллельно. В принципе, то же можно сказать и про русскую революцию, фактически у нас развивались и крестьянская, и городская, и национальная революции, причем одновременно.

Если посмотреть на ситуацию Франции, то там после 1789 года были еще 100 лет турбулентности, когда французское общество колебалось: что лучше – монархия или

СПРАВКА «ПРАВА ВЫБОРА»

Козлов Дмитрий Викторович родился в 1966 году в Иркутске. Окончил Иркутский государственный университет, исторический факультет, в 1997 году в Институте МЭМО (г. Москва) защитил диссертацию на соискание научной степени кандидата исторических наук. С 1998 года является доцентом кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, с 2008-го – научным директором Межрегионального института общественных наук.

республика? Прошли наполеоновская эпоха, Реставрация, революции 1830-го и 1848 годов, Вторая империя, только затем в 1870-е годы общество пришло к некоему согласию. Миф революции стал значимой частью Третьей республики, а затем и современной Франции: «Марсельеза» как гимн, триколор как флаг, день взятия Бастилии как главный праздник. Сейчас во Франции никто это не ставит под сомнение и не отменяет революцию. Получается, революция 1789 года стала основой нынешней французской политической культуры и помогает французам преодолевать какие-то очень непростые моменты в их истории XX века (птеневский режим, фашистскую оккупацию, алжирский кризис и т.п.). То есть революционное наследие актуализируется в самых разных политических формах. Кстати, во Франции богатые традиции манифестаций, народ выходит на улицу, выражая свое несогласие с государственной политикой.

Если от этого отталкиваться, то для современного нашего политического режима революция не стала таким ресурсом. У нас в ценностных, идеологических вещах преобладает консерватизм, революционное прошлое, миф революции в эту концептуальную рамку не вписываются.

– Вы согласны с утверждением одного публициста, что «революция опровергла закодированность русской природы раблепием перед чинами»?

– Есть определенная русская традиция объяснять что-то «рабским инстинктом» или «великим терпением русского народа», мне такой подход категорически не нравится. Революция – это вообще другое время, другие ощущения, другие небеса, если хотите. Посудите сами, на месте рухнувшей Российской империи после 1917 года возникло более 40 режимов. Можно воспринимать это как распад, «крах великой империи», а можно посмотреть на это как на стремление людей самоорганизоваться. И тогда мы увидим не поминки по чему-то великому, а новую возможность. Задача историка, а вслед за ним и общества, все эти вопросы актуализировать, проговаривать через идеи и теории и делать осознанной частью исторического прошлого.

– Исторического мифа в качестве объединяющего ресурса, как во Франции?

– На самом деле пример работающего исторического мифа у нас есть – это победа в Великой Отечественной войне. Это очень мощная, в том числе и идеологическая, рамка, которая сложным образом объединяет события не только Второй мировой войны, но и более поздних вооруженных конфликтов, те же события в Афганистане, в Чечне.

В России всё по-другому

– У нас выработано «национальное согласие», выражаясь терминами Фюре, в отношении Великой Отечественной войны, поскольку живо еще поколение участников войны и их детей, для которых на историю страны накладывается личная трагедия. Такого подхода к революции у нас не случилось, потому что, по сути, участники революции потом погибли в Гражданскую войну и в годы репрессий...

– Если вновь обратиться к опыту Франции, то там споры, что лучше – республика или монархия, длились 100 лет. И вопрос революции из исторической плоскости постоянно переводился в политическую. Напомню, события там разворачивались в условиях краха Второй империи, Франция вынуждена была отдать часть своих территорий Пруссии, экономический кризис, крах государственности... Вот когда возникли идеи опереться на республиканский строй – «как на лучшее из худшего» и формировался революционный миф.

В этом смысле в России всё было по-другому. Конечно, ощущение живой, личной истории было очень важно. Вы правы, травму революции заслонила террор, ГУЛАГ, Великая Отечественная война.

– Существует масса концепций, объясняющих причины революции. Но почему тогда никто не в состоянии предсказать революцию и о ее очевидности говорят только по факту? И в чем реальные причины революций?

– Еще Ленин объяснял причину революции: «Верхи не могут, низы не хотят». Но, конечно, не каждая революционная ситуация может завершиться революцией. Тем не менее история – это не прогностика. Вопрос о предсказании грядущих революций обычно задают не историкам. Попытки сформулировать закономерности, конечно, были и есть. Есть «закон Токвиля», что революции происходят не тогда, когда всё хуже и хуже, а когда всё лучше и лучше, но вдруг стало на короткий промежуток чуть хуже.

Российская революция, например, известным исследователем феномена революций Шмуэлем Эйзенштадтом рассматривается в сравнении с китайской и мексиканской, как пример трансформации крестьянского аграрного общества. Но, в отличие от Мексики и Китая, российские революционные изменения в какой-то момент оказали влияние на весь мир.

Что до предчувствия революций, вот в настоящее время в мире очень напряженная обстановка складывается.